

*...Птица
выныривает
из сна, с трудом соображая,
где это она находится.
Разложенное в лежачее положение
кресло похоже на те,
что устанавливают
в самолетах
бизнес-класса,
но только
эта штука явно
не самолет – движется
слишком тихо.
Птица смотрит
по сторонам
и едва не орет: вокруг ничего нет,
кроме глубокой черноты
и мерцания
далеких
звезд...*

— Аш Сэн —

— Том 1 —

ОСКАЛ СТРАХА

Издательство "Велигор"
Москва 2026

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

С97

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует противоправные и антиобщественные действия, курение и употребление алкогольных напитков (которые обусловлены жанром или сюжетом). Не является призывом к действию. Курение и употребление алкоголя вредят вашему здоровью. В книге содержится нецензурная лексика.

Аш Сэнн

С97 ЧУМНЫЕ ПСЫ. Том 1. Оскал страха. Серия "ИНОМИРЬЕ". – М.: Издательство «Велигор», 2026. – 384 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-596-2

Две девушки, рожденные в один день, в канун шестнадцатилетия становятся свидетелем стычки Света и Тьмы, и оказываются вовлечены в вечную войну двух противоборствующих сил.

Волей судьбы они оказываются при Императорском Дворе одного из светлых миров в качестве приемных дочерей самой императрицы.

Ксень выбирает Свет, Птица – Тьму, но обе они, как выясняется, хотят только мира для обеих сторон. Смогут ли они добиться чего-то в новом мире, в игре, правил которой не знают?

г. Москва, м. Кожуховская, ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4

Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.

E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях: <https://vk.com/veligor97>

Интернет-магазин: WWW.VELIGOR.RU

Интернет магазин для граждан других стран:

WWW.VELIGOR-BOOKS.COM

© Аш Сэнн, 2026

© Издательство «Велигор», 2026

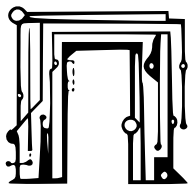

Содержание

Пролог.....	7
Билет на свободу / Дорога в ад.....	26
Черный сон / Вечная метель.....	52
Светский блеск / Выжить любой ценой.....	78
Истинный ужас / На острие ножа.....	103
Осознание / Путь домой.....	125
Ни дня без происшествий / Семья.....	138
Прощение Тьмы / Нежданная находка.....	156
Бесконечное бегство / Не прекращай искать.....	171
Древние скалы / И снова снег.....	189
Черная Башня / Новые знакомства.....	202
Призрачная бабуля / Дипломатия.....	223
Сделка / Доверие.....	251
Старые друзья / Новые враги.....	275
Вскрытые карты / Шахматная доска.....	302
Опять катакомбы / Научи меня.....	325
Информация / Чувства.....	349

ПРОЛОГ

Птица смотрит на небо и делает последнюю затяжку. Чертовы сигареты кончаются слишком быстро, и сейчас бы полезть в карман, достать новую из лежащей в кармане пачки – но рядом мама. Мама, которая позволяет любимой дочери курить, но волнуется за нее слишком сильно. Обидеть маму для Птицы почти равносильно смерти, в ее глазах мама почти святая. Так что она зло выдыхает дым, отводит глаза от аквамаринового неба, скрещивает руки на груди и ждет.

Отец всегда приходит в это время, а они с мамой всегда выходят его встречать. Выходят из типового дома, доходят по узким улочкам до парка, где вечно куча веселой молодежи, от чего Птицу просто колотит. Она бы с удовольствием ждала папу в темном прохладном холле на его работе, который видела один раз, но это нельзя. Там, за парком – режимный объект, никто даже толком не знает, что там происходит, но следят там очень строго. Тощую, вечно утрюмую, кажущуюся нескладной – но на удивление легко управляющуюся с собственным телом – девчонку пропустили туда только один раз, когда у нее случился первый приступ астмы, ближайшая больница была слишком далеко и мама просто не знала, что делать. Тогда Птица почти ничего не запомнила – темноту, прохладу, неспособность дышать, чей-то голос и свои попытки огрызаться, горький вкус лекарства, которое осталось с ней на всю жизнь.

Папа уже должен подходить, у них на объекте строго: приход и уход по расписанию, никаких задержек или

переработок. Работают ровно сутки, потом два дня отдыха – и снова на смену. Мама и Птица в это время поддерживают порядок в доме... ну как, поддерживают – у мамы все идеально чисто, а Птица честно пытается не сорить на общей территории, а у себя в комнате расходится вовсю. Из-за завалов одежды, книжек, блокнотов, мягких игрушек, и прочей ерунды к ней не пройти, не сломав ногу.

Так что сидели всей семьей в гостиной, играли в настолки, пили чай... Если бы Птица так не любила своих родителей, с ней совсем не было бы сладу, трудный ребенок как он есть: курит, дерется, оскорблениями плюется, да так что потом человек нескоро в себя приходит. А так хоть что-то сдерживало бедовую голову. А на лицо ведь – сущий ангелочек, золотые встрепанные волосы, серые глазищи, поди поверь, что внутри сидит постоянные нервы и подозрительность, хотя и носит вечно драные джинсы с цепями да футболки с устрашающими принтами, да лицо вечно непонятным темным макияжем измалевано, и спасибо, если не просто точками да линиями.

Отца все никак не видно; Птица скучающе осматривается – вон носятся чьи-то дети, вон их мамашки сидят на лавочке и на мелких внимания не обращают, все, как заведено. Глазу не за что зацепиться – хотя вообще, есть там один, в стороне от всех, но на него и смотреть-то желания нет. Стоит, прямой как палка, весь в черном, подтянутый, поджарый, идеальный какой-то, старомодный пиджак нацепил – зачем? Жарко же... Укладка – волосок к волоску, как будто никакого ветра впомяне нет. Запоздало девчонка замечает, что этот «идеальный» пялится прямо на нее, и глазищи черные-черные, цепкие, злые.

Птицу будто током дергает, она кривится и спешно отворачивается, бросает довольно громко в сторону:

– Вот придурок...

Мама заметно волнуется из-за отсутствия отца, поэтому на дочкино поведение не реагирует – привыкла за столько-то лет, так что девчонка прижимается к ее плечу, гладит утешающе по спине, но в сторону странного типа иногда бросает короткие взгляды. Он ей не нравится. Папа может задерживаться из-за ее, Птицы, шестнадцатилетия, готовить сюрприз – а этого чего там стоит как приклеенный? Не было бы тут мамы, пошла бы разбираться, а так спускает на тормозах, но в сердце нехорошо стучит в предчувствие беды. Да и не зря стучит: из зарослей шиповника и крапивы, которые маскируют еле заметную тропку на объект – по мнению Птицы, еще более тупой маскировки на свете не бывает – бежит перемазанный кровью человек в спецодежде. Точно не отец, так что девушка выдыхает и прикрывает ладонями уши: тут же дети и их мамы, ох сейчас как начнется!

Оно и началось – визги, хаос, кто-то кричит о вызове скорой, вызвав усмешку Птицы. Она прекрасно знала, что скорую не вызовут, просто сбегут поскорее от чужой беды. «Пусть эта беда будет не моей», – просит девчонка неизвестно кого и крепко берет маму за руку. Никаких хороших новостей этот бегун не несет, а самое главное – уж это-то Птица могла заметить – он не ранен, кровь не его. И Птица точно знает, чья. Потому что несется он именно к ним – к застывшей девчонке и ее матери.

– Николай Павлович... Он...травма... Сейчас машина выедет, вы же с ним?

Птица успевает перехватить мать до того, как она рванет на секретный объект, куда идти все равно не имеет смысла. Заставляет ее сделать пару шагов назад, бросает быстро:

– Машина, – повторяет слова напуганного гонца. – Сейчас выедет машина. Надо ждать.

У самой под ребрами все обрывается – там ледяная пустота сейчас, колючая, и хочется, чтобы кто-то сильный сейчас прижал к себе и сказал, что делать. Но это ее, мамино, мужа, сейчас вывезут на казенной машине, и, если кому-то нужна поддержка, так точно этой не-по земному красивой женщине с желто-зелеными глазами. Поэтому Птица снова прижимается к ее руке и молчит, прячет нос в тонкий льняной рукав от почему-то совершенно невыносимым ставшего запаха крови, ждет рыка мотора и быстрых гудков с автострады. И когда они раздаются наконец-то, резкие и нервные, женщина и ребенок бегут так быстро, как только могут, спотыкаются и падают, потому что обе понимают: за короткими, истерическими нажатиями на клаксон – беда.

Обе не позволяют себе даже подумать о слове «смерть».

Да и нет ее, той смерти – идиотская бытовая авария, непонятная ни Птице, ни ее матери: какая, ко всем чертям, авария на секретном военном объекте – но не до объяснений, не до требований дать хоть раз честные ответы, да и не вопросов даже. Лишь бы все было в порядке. Лишь бы успели.

Птица машинально бросает взгляд в окно, и тут же обо всем забывает: и о стонущем отце на заднем сидении, и о матери, бережно удерживающей его голову на

коленях, и об отчаянно лихачащем водителе их импровизированной «скорой помощи». Потому что тип тот, идеальный, остро вглядывавшийся в девчонку, о которой она успела напрочь забыть – вот он, и шикарные его волосы в открытом фиолетовом кабриолете развеваются так, словно он прямо сейчас снимается в какой-то супермодной рекламе. У живых людей все как-то не так происходит, тем более, когда – и это уж совсем неожиданно – они пытаются уйти от погони. И погони выглядят вовсе не так: юркий черный мотоцикл несется вперед, нарушая все возможные правила дорожного движения, уворачивается от столкновений в последнюю секунду, ныряет на встречную полосу, лавирует по ней прямо перед носом многотонного грузовика... Неправильно, так странно неправильно: должна быть реакция!

Хоть какая-то, хоть ленивый гудок, хоть нецензурный вопль из открытого окна чьей-то машины в адрес очередного будущего фарша... Но не это абсолютное равнодушие, не спокойное движение, как будто не существует вообще ее, этой женщины со встрепанными черными волосами, в которых мелькает иногда что-то яркое: слишком быстро, не присмотреться; оседлавшей мотоцикл как иные лошадей, и ведет она с ним как с породистыми скакунами, похлопывает по раме, шепчет что-то, поднимая его на дыбы...

А всем плевать. И на ледяное спокойствие гребаного божества, который преследует, кажется, ее, Птицу, по крайней мере держится как приклеенный, и на оттесняющую его фурию – бросается разъяренной кошкой на огромного беркута, и оба вытворяют что-то уж совсем невозможное в плотном потоке машин.

Птица решает, что ей тоже наплевать. Откидывает голову на сиденье, пытается перестать слушать причитания матери и тихие размеренные команды отца – что делать, если он умрет. Жмурится изо всех своих сил, кусает губы, злые слезы смахивает, и молчит, молчит, молчит. Знает: если она решит вклиниться в разговор, ее примут с радостью, и она сможет сжать широкую ладонь отца и дрожащую ручку матери, и плакать они будут уже вместе, и уже ей будут выдаваться указания. Знает: она не имеет права. Потому что все, что сейчас – между матерью и отцом, это свято, это бесценно. Кто она, чтобы рушить этот момент?

Водитель отчаянно лавирует между машинами, не замечая смертельной пляски двоих сумасшедших, жмет на газ, и Птица даже решает, что это она просто так сходит с ума, и этих, в кабриолете и на мотоцикле, просто не существует. А потом раздается вопль, громкий вой клаксона и разрывающий уши визг тормозов; и боль, такая боль, что в глазах темнеет, эта боль застревает в горле и выкашливается кровью – а потом чья-то жестокая рука вытаскивает ее из переворачивающейся машины, прямо сквозь разбитое стекло, и тогда Птица кричит, но тут же давится, и ее голову устраивают на сильное и пахнущее морозом плечо, крепко сжимают за худенькую спину, а потом от скорости свистит в ушах, а боли, боли просто не может быть больше. Каким-то одним рывком до девушки доходит, что она на сидении того самого мотоцикла, и та черноволосая фурия прижимает ее к себе, и кровь из открытого стонущего рта стекает прямо по зеленой кожаной куртке женщины – а еще та ведет мотоцикл одной рукой; а потом сознание уплывает, и в голове сквозь черноту прорывается лишь одна мысль *«Держись, девоч-*

ка, мы вытащим тебя», она головой понимает, что надо бы бояться, но страха просто нет.

Когда они оказываются на месте назначения, Птица понимает сразу две вещи: родители мертвы и у нее почему-то ничего не болит. Понимание сразу меркнет. Так что, пока тетка тащит девчонку к пустому месту в центре огромной поляны, просто бросив где-то дорогуший мотоцикл, Птица просто загребает ногами траву и пытается считать валяющиеся на земле камни; сбивается вечно на пятнадцатом, но начинает снова, лишь бы все так же ничего не понимать и ничего не помнить. Реальность врывается в ее разум только когда она слышит громкое:

– Сюда! – и сразу понимает, что это к ней.

Разворачивается избыточно резким движением, словно только учится вновь владеть своим телом, и видит того прикурка из парка, он тянет к ней скрытую в черной перчатке ладонь, и это открытая рука друга, ей становится очевидным, и возникает вопрос, как она раньше этого не понимала, и сделать шаг так легко – но не тут-то было, фурия отшвыривает Птицу в сторону с такой силой, что она катится по земле, плюется травой и пытается отдышаться. Кто-то хватает ее под плечи и вздергивает вверх, девчонка отчаянно визжит, черноволосая мотоциклистка не может заниматься сразу всеми – и выбирает спасти Птицу. Девчонка вообще ничего не понимает, орет и пытается вырваться, а в голову больно бьет *«Дура! Замри, это помощник!»*.

Птица послушно обмякает, в черных лапах, чувствуя хищное дыхание и яркий звериный запах, и забивающуюся в не закрывшиеся еще раны шерсть – *да почему не*

больно-то, черт возьми?! Но прямо перед глазами мелькает что-то серебристое, это нож, и девчонка рефлекторно отдергивает голову. Лезвие срезает прядь взметнувшихся волос, попадая точно в цель, в голову ее помощника, и тот с полным такой невыносимой боли воем падает, и падает рядом Птица, все еще сжатая огромными лапами.

Он тоже мертв, он тоже мертв, тоже мертв, мертв! Мертв!

Что-то внутри скалится яростно, Птица никогда не была доброй девочкой, и сейчас ей не осталось, ради кого притворяться, она должна прорваться – к тому, кто звал ее, пусть и тошнит от его идеальности, прямо сейчас! Она тянет нож из глазницы своего помощника, оказавшегося чем-то навроде огромного волка, и он весь обмазан черной склизкой дрянью, которая тянется за лезвием с противным хлюпаньем, ну и пусть, любой ценой, любой ценой!

* * *

Рыжая Ксень сидит на лавочке, прижимая к рассаженной щеке мокрый платок – она намочила его в фонтане, и смотрит на книгу. Смотрит уже почти полчаса. Книга лежит рядом, манит зеленой обложкой с красивым золотистым узором, но... книга чужая. Взять чужую вещь – это же значит украсть. Ксень любит книги и ненавидит воров. Она думает, что она какая-то неправильная сирота, ведь все, кого знает Рыжая Ксень – а это целый детский приют таких же оборванцев, как она – не любят книги и любят воровать.

Ксень восстанавливает в памяти события – как она вообще оказалась здесь? Сегодня в приемную семью за-

брали ее лучшего друга – Алешку. Теперь приятная улыбчивая женщина и усатый мужчина в смешных очках будут зваться его папой и мамой. А она... она лишилась лучшего друга, почти брата. Того, с кем и смеялись, и учились, и дрались. Иногда – между собой, но всегда мирились. Гораздо чаще – с другими, защищая друг друга. Брата у нее теперь нет, и она не нужна никому. Узнав, что Лешку забрали, Степановская и ее подпевалы – почти вся женская группа номер четырнадцать, подумать только! – устроили себе развлечение, подначивая Рыжую тем, что даже ее дружка-разгильдяя забрали, а ее в семью не позовет никто и никогда, ибо кому нужно такое чучело?

Ксень всю жизнь только и слышит, что она чучело, и что волосы её, огненно-рыжие, слишком всклокоченные, и что нос у нее острый и вздернутый, и что веснушек слишком много, и вообще она вся – одно сплошное недоразумение, вечно оказывающееся не в том месте не в то время. И часто сама начинает в это верить... но не сегодня. Сегодня она сначала огрызалась на девчонок, а потом, не выдержав, и подралась. Их было больше, и Ксенька, конечно, огребла сильнее, чем свора, но кое-кому из согруппниц успела знатно попортить лицо. Степановская, как и всегда, убежала жаловаться воспитателям, а Ксень, решив, что получить нагоняй успеет и вечером, схватила куртку и умчалась в любимый парк, прогуливать учёбу. И нашла эту клятую книгу на своей любимой лавочке. Ситуация осложняется тем, что у Рыжей сегодня день рождения – ей исполнится шестнадцать. И очень хочется присвоить неожиданный подарок судьбы, как презент на день рождения – потому что вряд ли ей вообще кто-нибудь хоть что-то подарит. Но книга все ещё чужая, и брать её нельзя.

– За ней придут, – убеждает себя Ксень, обкусывая и без того уже в мясо ободранные губы. – Она явно очень дорогая, за ней придут!

Но время идет, а на дорожке никто так и не появляется – и руки чешутся все сильнее: хотя бы дотронуться до этой красоты, хоть в руках подержать...

Ксень принимает решение, которое на самом деле, скорее, оправдание: просмотреть книгу на предмет информации о владельце. Вдруг там имя написано, или адрес, или еще что... и она, конечно же, вернет! Но сначала – посмотреть, ибо Рыжая жгуче, болезненно любопытна и везде сует свой острый нос. И она осторожно, словно боясь спугнуть, касается золотисто-зеленой обложки.

В итоге Ксень уже с увлечением листает находку – пометок в ней нет, зато оказалось много интересных картинок. Разобрать, правда, ничего не удастся, потому как язык непонятен – что-то вроде иероглифов, какими пользовались в древнем Египте.

Но и без текста есть на что посмотреть: иллюстрации сделаны на редкость качественно и правдоподобно. Понамешано на них, конечно, всякого, но в основном сюжет крутится вокруг войны. На одной стороне раз за разом мелькает ангел с белыми крыльями и золотыми волосами, а на второй... Ксень не знает, как окрестить это существо: демон, дьявол? Он каждый раз нарисован по-разному, и каждое новое обличье его уродливее и несуразнее предыдущего. Одно остается неизменным – он ведет за собой целые армии, и именно ему противостоят те, с кем был ангел. Почему с ангелами заодно египтяне и какие-то кошки, Ксень так и не поняла, но там с обе-

их сторон хватало странных созданий на любой вкус, цвет и размер. В тот момент, когда картинки подходят к концу, а щека почти перестает болеть, справа раздается странный шум.

Рыжая с хрустом захлопывает книгу и вскакивает: на дорожке в ее любимом парке происходит нечто из ряда вон. По ней несется женщина с растрепанными черными волосами, прижимающая к себе, как ребенка, уже довольно взрослую дылду – та вся в крови, и одежда рваная, как будто попала в неслабую передрагу, но ран словно и нет. Дылда кажется совершенно потерянной, ее голова безжизненно лежит на плече тетки, глаза смотрят в одну точку, да и то, что она жива, выдает только быстрое судорожное дыхание.

И эта парочка мчит мимо Ксеньки прямо в заброшенную часть парка! Нет бы в больницу, вот же она, через дорогу! Девушка даже привстает, чтобы подсказать – но женщина оказывается очень шустрой и влетает в колючие кусты, как к себе домой. Ксень ползет следом, не понимая, что ее туда влечет: ведь предчувствие орет, что ей туда не нужно, что она вляпается в очередные неприятности, но любопытство сильнее здравого смысла. Когда рыжая успевает добежать, на полянке в окружении кустов вовсю идет самая настоящая драка.

Казалось бы: ну, драка... да вот только дерутся не подростки, не подвыпившие мужики и даже не «братки». Кем являются эти, Ксень предпочитает не задумываться, иначе крыша начинает трещать и ехать в закат. Ладно, мужик в черном дорожном пиджаке и с идеально уложенными волосами до задницы мог сойти за мафиозного босса, какими их рисуют в комиксах, а эта женщина в кожаном байкерском костюме – за бравого спецагента

оттуда же, но вот третий... тут ни одной здоровой мысли не мелькает. Белая, как снег, как самая качественная бумага, кожа, такие же волосы – и тоже длинные, по крайней мере, ниже лопаток, красный костюм в черные клеточки. Только шутовского колпака не хватает.

Вместо него – витая черная плеть у пояса и пылающие яростным красным огнем злющие глаза. А с ним еще какая-то хрень, похожая на оживший сгусток тьмы и гигантского волка одновременно. Черная тень с рычанием кидается куда-то в сторону, но падает, остановленная тонкой блестящей полосой стали.

Рыжая не успевает увидеть движения, но откуда-то точно знает, что метательный кинжал, вошедший в темную плоть по рукоятку, принадлежит женщине. Волк начинает медленно растворяться, и рыжая замечает давешнюю девчонку, которая поднимается с земли – явно волк ее «уронил» – и сжимает в руке нож с таким видом, словно готова вцепиться в кого попало. Вид у нее уже не такой потерянный, как пару минут назад, скорее, боевой, вот только на чьей же она стороне?

Черноволосый тем временем достает меч и сцепляется с теткой. Визг стали, вороха искр! Эти двое движутся с просто непостижимой для человека скоростью... и грацией. Беловолосый же, пользуясь тем, что противница отвлеклась, делает шаг к девчонке. Он что-то говорит, и Ксения отчетливо слышит его слова у себя в голове, как некое дублирующее эхо.

– Беги, – нечеловечески спокойно изрекает ЭТОТ. – С ней мы разберемся сами.

Значит, решает она, девчонка с этими мутными ребятами, а тетка пыталась... а что она пыталась? Похитить и

использовать как заложницу? Или что? Кто тут враг-то? В голове Рыжей один за другим назревают вопросы, ни на один из которых не получается придумать внятного ответа. Но почему-то Ксень точно знает, что ее симпатии на стороне женщины – может потому, что она одна, а может потому, что куски тьмы в виде волков ее пугают до нервной дрожи в коленях. Рыжая понимает только одно – смотаться незаметно, не привлекая внимания, ей вряд ли удастся. И делает невероятную глупость с какой угодно точки зрения.

– Черта с два вы разберетесь! – орет она и кидает книгой в беловолосого. Тяжелый том попадает неизвестному по макушке, и Ксенька замирает от страха – вот сейчас-то она и огребет...

– Еще одна? – белобрысый будто бы и не замечает удара, оборачивается медленно и вскидывает брови насмешливо. – День становится все интереснее! Ответь мне, девочка, ты нас видишь?

– Нет, блин, я всегда кидаюсь книжками в пустое место! – отвечает она, надеясь, что голос не сорвется в тонкий писк.

Беловолосый нехорошо усмехается, перехватывая плеть:

– Это не входило в планы, – говорит он. – но, я думаю, Повелителя обрадует голова мелкой ведьмы в качестве сувенира...

Ксенька не успевает отскочить, и черный хлыст задевает ее ноги – совсем чуть-чуть, кончиком, но этого хватает, чтобы от страшной боли поперхнуться воздухом и осесть на грязную и влажную почву. Сознание отчего-то кристально ясное и какое-то отстраненное, и